

ПУБЛИЧНОЕ И ЧАСТНОЕ ПРАВО

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

УДК 342.7

М. И. Проскурякова

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ РАМКИ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В РОССИИ

В статье выявляются и раскрываются конституционные основания защиты персональных данных в России. По мнению автора, такие основания предстают в виде определенных конституционных прав, объектом защиты которых являются в том числе персональные данные. Речь идет о праве на неприкосновенность частной жизни, праве на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений и праве на неприкосновенность жилища. Раскрывается содержание указанных конституционных прав с точки зрения защиты персональных данных. На понимании персональных данных как объекта защиты указанных прав может быть построена российская модель конституционно-правовой защиты персональных данных. При этом обращается внимание на то, что определение элементов, составляющих модель, а также раскрытие их соотношения — лишь первый шаг на пути ее содержательного наполнения. Библиогр. 33 назв.

Ключевые слова: персональные данные, Конституция РФ, право на неприкосновенность частной жизни, право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, право на неприкосновенность жилища, модель конституционно-правовой защиты персональных данных.

М. И. Proskuryakova

CONSTITUTIONAL FRAMEWORK FOR THE PROTECTION OF PERSONAL DATA IN RUSSIA

This article identifies and discloses the constitutional grounds for the protection of personal data in Russia. According to the author, such grounds appear in the form of certain constitutional rights that protect, *inter alia*, personal data. Here we are talking about the right to the inviolability of private life, the right to privacy of correspondence, of telephone conversations, postal, telegraph and other messages and the right to inviolability of the home. The article reveals the content of these constitutional rights in terms of protection of personal data. With the understanding of personal data as subject to the protection of these rights, a Russian model of constitutional protection of personal data can be constructed. At the same time it draws attention to the fact that the definition of the elements that make up the model, as well as the disclosure of their relationship, is only the first step in its substantive content. Refs 33.

Проскурякова Мария Ивановна — магистр юриспруденции, независимый исследователь; pro-mariy@yandex.ru

Proskuryakova Maria I. — Master of Laws, an independent researcher; pro-mariy@yandex.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

Keywords: personal data; Constitution of the Russian Federation; right to the inviolability of private life; right to privacy of correspondence, of telephone conversations, postal, telegraph and other messages; the right to the inviolability of home; model of the constitutional protection of personal data.

I. Конституционные основания защиты персональных данных в России

В Конституции РФ¹ притязание на защиту персональных данных не получило непосредственного закрепления. Вместе с тем под влиянием международно-правовых норм соответствующее притязание нашло развитие в российском законодательстве. основополагающим нормативным правовым актом, регулирующим общественные отношения, связанные с обработкой и защитой персональных данных, является Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», в соответствии с которым такими данными является «любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу»². Означают ли изложенные обстоятельства, что в российской правовой системе отсутствуют конституционные гарантии защиты персональных данных и последние выступают исключительно предметом законодательного регулирования? Представляется, что нет.

В процессе истолкования Конституции РФ, при котором ее положения анализируются не изолированно, а с учетом «конкретно-исторических реалий» [1, с. 57]³, удастся выявить конституционные основания защиты персональных данных в следующих конституционных положениях:

— ч. 1 ст. 23 в совокупности с ч. 1 ст. 24, закрепляющей право на неприкосновенность частной жизни;

— ч. 2 ст. 23, провозглашающей право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений;

— ст. 25, закрепляющей право на неприкосновенность жилища.

Тем самым конституционные основания защиты персональных данных предстают в виде определенных конституционных прав, объектом защиты которых являются в том числе персональные данные.

Необходимо отметить, что в отечественной литературе право на неприкосновенность частной жизни зачастую рассматривается в качестве комплексного конституционного права, к числу элементов которого относят право на тайну связи и на неприкосновенность жилища⁴. Такой подход вполне объясним, учитывая, что

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (по состоянию на 21 июля 2014 г.) // Российская газета. 1993. № 237.

² Федеральный закон «О персональных данных» от 26 июля 2006 г. № 152-ФЗ (в ред. от 21 июля 2014 г.) // СЗ РФ. 2006. № 31. Ч. 1. Ст. 3451.

³ Необходимость учета конкретно-исторических реалий применительно к истолкованию конституционных положений обусловлена тем фактом, что «конституция не может содержать универсальных правовых рецептов, рассчитанных на все времена... ее действие немислимо без уточнения смысла ее положений, которые не могут восприниматься как неизменные» [1, с. 57]. На изменчивость и подвижность смысла конституционных положений под влиянием объективных обстоятельств указывает также Б. С. Эбзеев [2, с. 104].

⁴ См., напр.: [3, с. 11–12; 4, с. 103–104]; с последующими ссылками на литературные источники см.: [5, с. 32].

и право на тайну связи (ч. 2 ст. 23 Конституции РФ), и право на неприкосновенность жилища (ст. 25 Конституции РФ) исторически формировались именно как права, направленные на защиту частной жизни. Не отрицая имманентной взаимосвязи права на неприкосновенность частной жизни и прав, закрепленных в ч. 2 ст. 23 и ст. 25 Конституции РФ, представляется возможным рассматривать право на тайну связи и право на неприкосновенность жилища в качестве самостоятельных конституционных прав⁵, наполненных собственным содержанием⁶ и являющихся специальными по отношению к общему праву на неприкосновенность частной жизни.

Такой подход к пониманию соотношения трех названных конституционных прав положен в основу раскрытия их содержания с точки зрения того, в каком объеме ими охватывается защита персональных данных.

II. Персональные данные как объект защиты конституционных прав

2.1. Персональные данные как объект защиты права на неприкосновенность частной жизни

Часть 1 ст. 23 Конституции РФ закрепляет право каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну. Часть 1 ст. 24 Конституции РФ устанавливает прямой запрет на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия. В совокупности, как представляется, эти нормы следует рассматривать в качестве нормативной основы конституционного права на неприкосновенность частной жизни⁷.

Прямое указание ч. 1 ст. 24 Конституции РФ на информацию о частной жизни позволяет сделать вывод о том, что эта категория информации выступает объектом конституционной защиты. Возникает, однако, вопрос, что же следует понимать под информацией о частной жизни и как эта категория информации соотносится с персональными данными.

Сложность в определении содержания категории «информация о частной жизни» заключается в невозможности, как представляется, дать исчерпывающее определение понятию «частная жизнь», а также в отсутствии единого подхода к раскрытию данного понятия.

Для отечественной конституционно-правовой доктрины характерно такое понимание частной жизни, в соответствии с которым к ней относится «не широкий спектр отношений, а узкая сфера интимных, бытовых и семейных отношений, не-

⁵ Данный вывод, как представляется, находит подтверждение и в практике Конституционного Суда РФ, который рассматривает право на неприкосновенность частной жизни в качестве «фундаментального права», «в обеспечение» которого Конституция РФ закрепляет «иные личные права», в том числе право на тайну коммуникаций и право на неприкосновенность жилища. См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 31 марта 2011 г. № 3-П // СЗ РФ. 2011. № 15. Ст. 2191.

⁶ В этом смысле см.: [6, с. 34].

⁷ В ряде решений Конституционный Суд РФ также указывал на ч. 1 ст. 23 и ч. 1 ст. 24 Конституции РФ как нормативную основу права на неприкосновенность частной жизни. См., напр.: Определение Конституционного Суда РФ от 29 января 2009 г. № 3-О-О (не опубликовано), Определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2011 г. № 1063-О-О (не опубликовано). — Здесь и далее ссылки на решения Конституционного Суда РФ приводятся по СПС «КонсультантПлюс» // www.consultant.ru (дата обращения: 13.03.2016).

посредственно не связанных с правовой сферой» [7, с. 20]⁸. Конституционный Суд РФ, как показывает анализ его практики, также придерживается узкого подхода к определению частной жизни⁹, проводя достаточно строгое различие между сферой частной жизни и иными сферами жизнедеятельности человека¹⁰.

Вместе с тем Конституция РФ не препятствует расширительному толкованию понятий «частная жизнь» и, соответственно, «информация о частной жизни». Более того, в отечественной литературе можно наблюдать отход от узкого понимания частной жизни. Так, С. А. Авакьян предлагает относить к ней «собственно личную жизнь человека; его жизнь в семье; трудовую (в широком смысле слова) деятельность; состояние здоровья; общение человека с другими людьми» [12, с. 670]. А. Л. Кононов справедливо указывает на то, что «само лицо вправе определять, какие именно сведения имеют отношение к его частной жизни», и называет среди информации о частной жизни, которая «во всяком случае» является конфиденциальной, сведения о принадлежности к общественным объединениям, здоровье, имуществе, доходах, профессиональной деятельности [13, с. 233].

Расширение содержания понятия «частная жизнь», сопровождающееся включением в него наряду со сферой, характеризующей отношения личного характера человека, иных сфер жизнедеятельности (при наступлении определенных обстоятельств) (в частности, трудовой, образовательной), представляется обоснованным и заслуживает поддержки. Перспективным с учетом изложенного следует считать сближение подхода, сформированного Конституционным Судом РФ к пониманию частной жизни и права на неприкосновенность частной жизни, с подходом, получившим развитие в практике Европейского суда по правам человека к истолкованию ст. 8 Конвенции о защите прав человека¹¹. Последний исходит из расширительного толкования понятия «частная жизнь» и включает в ее содержание в том числе право налаживать и развивать отношения с другими людьми и внешним миром и, при определенных условиях, деятельность профессионального и коммерческого характера¹². Узкий подход к истолкованию частной жизни своим недостатком имеет ограничение содержания конституционного права на неприкосновенность частной жизни и как следствие снижение объема конституционных гарантий, призванных обеспечить свободное развитие личности¹³. Широкий подход к пониманию част-

⁸ Подробнее о таком понимании частной жизни см., напр.: [8, с. 145; 9, с. 153; 10, с. 106; 11, с. 197–198].

⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 9 июня 2005 г. № 248-О (не опубликовано), Определение Конституционного Суда РФ от 27 мая 2010 г. № 644-О-О (не опубликовано), Определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 1253-О (не опубликовано).

¹⁰ Так, в сферу частной жизни Конституционный Суд РФ не включает трудовые отношения, складывающиеся между работником и работодателем в рамках трудового договора, полагая, что они «носят общественный характер». См.: Определение Конституционного Суда РФ от 20 ноября 1998 г. № 157-О (не опубликовано).

¹¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

¹² См., напр., п. 64 Постановления Первой секции Европейского суда по правам человека по делу Шимоволос (Shimovolos) против России от 21 июня 2011 г. // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2012. № 1.

¹³ Как справедливо отмечает Ст. Шидермайр, «защита частного... тесно связана со свободой и автономией» [14, с. 55]. Следует отметить, что в науке (как в российской, так и в зарубежной) существуют различные подходы к определению того, что относится к частной жизни человека и каково содержание права на неприкосновенность частной жизни. Представление исчерпывающей

ной жизни и, соответственно, информации о частной жизни увеличивает объем конституционных гарантий, обеспечивающих свободу личности, и открывает возможность для обоснования конституционной природы притязания на защиту персональных данных как элемента конституционного права на неприкосновенность частной жизни.

К решению вопроса о соотношении категорий «информация о частной жизни» и «персональные данные» в доктрине можно выделить три подхода. Представители первого подхода исходят из того, что персональные данные — более широкая категория информации, одной из составляющих которой выступают сведения о частной жизни [15, с. 14]. Представители второго подхода, воздерживаясь от установления того, какая из двух категорий информации является общей, а какая — частной, рассматривают информацию о частной жизни и персональные данные как не идентичные по объему, но пересекающиеся по своему содержанию категории [13, с. 234]. А. Лушников, очевидно, также рассматривает эти две категории информации как пересекающиеся по своему содержанию, отмечая, что «элементы частной жизни могут составлять персональные данные». При этом в качестве примера информации, представляющей собой персональные данные, но «не затрагивающей частную жизнь», им указываются анкетные данные (в их числе называются имя и место жительства лица, сведения о дате и месте рождения, паспорте, об образовании, профессиональной подготовке) [16].

Вместе с тем представляется затруднительным найти обоснование отнесению во всех случаях сведений об образовании, месте работы к информации, не имеющей отношения к частной жизни. Также сложно согласиться с тем, что лишаются статуса информации о частной жизни такие персональные данные, как имя, адрес места жительства, почтовый адрес, контактный телефон (особенно в совокупности), на том основании, что они фиксируются в процессуальных документах¹⁴. Тот факт, что лицо вступает в публично-правовые отношения, выступая, как это имело место в рассматриваемом Конституционным Судом РФ случае, в роли лица, заявляющего об административном правонарушении, сам по себе, как представляется, не ведет к тому, что указанные данные не могут относиться к информации о частной жизни.

Особенностью персональных данных как самостоятельной категории информации, нуждающейся в защите, является то, что порой именно в совокупности персональные данные, которые по отдельности могут казаться неважными и не имеющими отношения к частной жизни лица, способны «сложиться в обобщающую картину, характеризующую его личность» [17, с. 19]¹⁵. Является ли возможным в таких условиях провести строгую границу между персональными данными, которые являются информацией о частной жизни лица и защита которых гарантирована Конституцией РФ, и иными персональными данными, защита которых отдается исключительно на усмотрение законодателя? Представляется, что нет.

характеристики указанных явлений выходит за рамки настоящего исследования, подробно об этом см., напр.: [14].

¹⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 16 июля 2013 г. № 1217-О (не опубликовано).

¹⁵ Справедливо также указание А. С. Федосина на то, что «персональные данные, идентифицирующие их носителя, но не содержащие сведений о его частной жизни, в процессе их накопления и систематизации могут сформировать массив информации о частной жизни лица» [15, с. 14].

Именно поэтому более обоснованной представляется позиция, которая исходит из того, что «информация о частной жизни — понятие более широкое, чем персональные данные» [18]¹⁶. Такой подход открывает возможность обоснования тезиса о том, что все персональные данные являются объектом конституционно-правовой защиты. Тот факт, что «персональные данные как специальный объект защиты в Конституции РФ не упоминаются» [20], этому, по нашему мнению, не препятствует.

Первый шаг в направлении признания персональных данных в качестве объекта защиты права на неприкосновенность частной жизни сделан и Конституционным Судом РФ: указав, что исключение информации, относящейся к персональным данным, из режима свободного доступа направлено на защиту права на неприкосновенность частной жизни¹⁷, Конституционный Суд РФ подтвердил наличие имманентной взаимосвязи персональных данных со сферой частной жизни и открыл возможности для истолкования норм ч. 1 ст. 23 во взаимосвязи с ч. 1 ст. 24 Конституции РФ как обеспечивающих защиту персональных данных.

Анализ практики Конституционного Суда РФ свидетельствует, что весьма регулярно, особенно в последние несколько лет, в орган конституционного контроля поступают жалобы на положения федеральных законов, регулирующие обработку персональных данных. Конституционный Суд РФ, однако, воздерживается от проверки по существу конституционности оспариваемых заявителями законодательных норм¹⁸, хотя на основании текстов отдельных определений можно предположить, что заявителями обозначаются проблемы конституционно-правового характера, нуждающиеся в конституционно-правовом истолковании.

В качестве примера приведем дело, в котором оспаривались нормы Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹⁹, позволяющие устанавливать в кабинетах врачей системы аудио- и видеонаблюдения. Интересным это дело представляется в том числе и потому, что заявитель являлся одновременно и врачом медицинской организации, в которой были установлены соответствующие системы наблюдения, и пациентом. Не ставя перед собой цели исчерпывающего анализа решения Конституционного Суда РФ, которое было принято по данному делу²⁰, остановимся на следующем вопросе. Конституционный Суд РФ отказывается от рассмотрения по существу положений законодательства, не препятствующих установлению систем аудио- и видеонаблюдения на рабочем месте, и указывает следующее: «Что касается довода заявителя о нарушении его прав как работника медицинской организации

¹⁶ Ср. позицию Е. А. Миндровой, которая полагает, что «персональные данные являются по своему содержанию сегментом информации о частной жизни» [19, с. 21].

¹⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 29 января 2009 г. № 3-О-О, Определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2011 г. № 1063-О-О.

¹⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2011 г. 1251-О-О (не опубликовано), Определение Конституционного Суда РФ от 17 июля 2012 г. 1346-О (не опубликовано), Определение Конституционного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 1961-О (не опубликовано), Определение Конституционного Суда РФ от 20 февраля 2014 г. № 438-О (не опубликовано).

¹⁹ Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (в ред. от 13 июля 2015 г.) // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

²⁰ Определение Конституционного Суда РФ от 24 сентября 2013 г. № 1333-О (не опубликовано).

в связи с установкой в лечебных кабинетах системы наблюдения, то в случае изменения определенных сторонами условий трудового договора работодатель обязан заранее уведомить об этом работника, а также обеспечить защиту его персональных данных» (п. 2 мотивировочной части Определения № 1333-О от 24 сентября 2013 г.). Вместе с тем можно предположить, что заявителя волновало не соблюдение работодателем процедуры по изменению условий трудового договора, а допустимость установления систем, очевидно, постоянного наблюдения на рабочем месте. Данная проблема, как представляется, носит конституционно-правовой характер, а следовательно, тот факт, что действующее законодательство не содержит запрета на наблюдение за работником на рабочем месте, еще не означает конституционности такого мероприятия и его допустимости с точки зрения положений Конституции РФ, закрепляющих право на неприкосновенность частной жизни. Очевидно, что отсутствие конституционно-правовых рамок, определяющих условия и порядок, при которых установление наблюдения могло бы быть признано допустимым, негативным образом сказывается на работниках, которые не защищены от произвольного решения работодателя по установлению систем наблюдения. Согласие работника на обработку персональных данных в таких ситуациях с трудом можно назвать добровольным, так как, вероятно, результатом отказа от дачи согласия станет прекращение трудовых отношений²¹.

2.2. Персональные данные как объект защиты права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений

Право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений закреплено в ч. 2 ст. 23 Конституции РФ. Рассматривать данное право с точки зрения того, в каком объеме им охватывается защита персональных данных, представляется возможным потому, что персональные данные обнаруживаются как в содержании индивидуального сообщения, так и в сведениях, относящихся к обстоятельствам совершения самой коммуникации.

Представляется, что в содержание данного права входят коммуникации с использованием любых видов связи (в том числе коммуникации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет). Вместе с тем распространение действия, закрепленного в ч. 2 ст. 23 Конституции РФ, на «все виды коммуникаций между индивидами» [13, с. 231; 22, с. 7] (очевидно, в том числе те, которые происходят без использования сетей связи) представляется проблематичным. Повышенные требования, которые предъявляются к допустимости ограничений права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений²², обусловлены, очевидно, тем обстоятельством, что лицо для осуществления коммуникации пользуется сетями связи и тем самым в известной степени теряет контроль над своей коммуникацией.

Ключевым для определения объема конституционных гарантий защиты персональных данных в соответствии с ч. 2 ст. 23 Конституции РФ является ответ на вопрос о том, какая информация составляет тайну индивидуальных сообщений:

²¹ Об установлении систем видеонаблюдения с точки зрения действующего законодательства с последующими комментариями экспертов см.: [21].

²² В дополнение к требованиям ч. 3 ст. 55 Конституции РФ ограничения указанного права допускаются только на основании судебного решения.

только информация, относящаяся к содержанию соответствующих сообщений, или также информация, характеризующая обстоятельства их совершения. Еще в советский период обращалось внимание на то, что «объектом права на тайну переписки является не только содержание корреспонденции, но и сам факт переписки между определенными лицами» [23, с.137]²³. Конституционный Суд РФ относит к охраняемой Конституцией РФ тайне телефонных переговоров «любые сведения, передаваемые, сохраняемые и устанавливаемые с помощью телефонной аппаратуры, включая данные о входящих и исходящих сигналах соединения телефонных аппаратов конкретных пользователей связи»²⁴.

Учитывая существующие подходы к определению перечня информации, которая образует тайну переписки и тайну телефонных переговоров, представляется обоснованным отнесение к тайне индивидуальных сообщений, отправляемых посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет, наряду с содержанием самой коммуникации сведений об обстоятельствах ее совершения (в частности, сведений о получателях и отправителях, включая их географическое местоположение в момент коммуникации, сведения о времени приема, передачи, доставки сообщений).

Принимая во внимание определение, которое дается персональным данным в российской правовой системе, следует отметить, что одни и те же персональные данные могут подлежать защите одновременно как информация о частной жизни и как информация, составляющая тайну индивидуального сообщения. Как следствие возникает проблема конкуренции конституционных норм, которая может быть разрешена следующим образом: персональные данные подлежат защите в рамках права на неприкосновенность частной жизни, если они не входят в сферу защиты права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений²⁵. При таком подходе нормы ч. 2 ст. 23 Конституции РФ понимаются в качестве специальных по отношению к нормам ч. 1 ст. 23 в совокупности с ч. 1 ст. 24 Конституции РФ.

Следует отметить, что к настоящему времени конституционно-правовые рамки применительно к защите персональных данных в отношениях, складывающихся в процессе оказания услуг связи, не определены. Вместе с тем отдельные положения действующего законодательства, как представляется, нуждаются в конституционно-правовой оценке. Приведем два примера.

1. Федеральный закон № 97-ФЗ от 5 мая 2014 г.²⁶ возложил на организаторов распространения информации в сети Интернет обязанность по сохранению дан-

²³ Ср.: [24, с. 22].

²⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 2 октября 2003 г. № 345-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 1.

²⁵ Ср.: К. Экштайн, усматривающий в ст. 24 вместе с ч. 1 ст. 23 Конституции РФ притязание на информационное самоопределение, отмечает, что оно в рамках основного права на неприкосновенность частной жизни охватывает личную информацию в той мере, в какой она не защищена тайной переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений или правом неприкосновенности жилища [25, с. 91].

²⁶ Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 97-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» // СЗ РФ. 2014. № 19. Ст. 2302.

ных пользователей сети Интернет в течение шести месяцев и последующему их предоставлению государственным органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации. Указанным федеральным законом фактически был введен институт сохранения данных «про запас», который, однако, не получил должного законодательного регулирования. В частности, вопросы, которые в силу своей принципиальной важности, должны быть решены в тексте самого федерального закона, делегируются Правительству РФ (определение состава информации, подлежащей хранению, порядок ее предоставления государственным органам и др.)²⁷; определение, которое дается организатору распространения информации в сети Интернет, отличается неопределенностью и не позволяет однозначно установить, какие субъекты под него попадают. Также открытым остается вопрос о том, предполагается ли обязательность получения предварительного судебного решения при направлении компетентным органом запроса на получение информации о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки электронных сообщений и информации о соответствующих пользователях к организатору распространения информации в сети Интернет²⁸.

П. Часть 1 ст. 64 Федерального закона «О связи»²⁹ возлагает на операторов связи обязанность предоставлять уполномоченным государственным органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации, информацию о пользователях услугами связи и об оказанных им услугах связи, а также иную информацию, необходимую для выполнения возложенных на эти органы задач, в случаях, установленных федеральными законами. Часть 4 ст. 64 указанного закона относит установление порядка взаимодействия операторов связи с названными в ч. 1 статьи государственными органами к компетенции Правительства РФ. В принятых на основании ч. 4 ст. 64 Федерального закона «О связи» Правилах взаимодействия операторов связи с уполномоченными государственным органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность (п. 14)³⁰, на операторов связи возлагается обязанность хранения ин-

²⁷ Правила хранения организаторами распространения информации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» информации о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков или иных электронных сообщений пользователей информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и информации об этих пользователях, предоставления ее уполномоченным государственным органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации, утвержденные Постановлением Правительства РФ от 31 июля 2014 г. № 759 // СЗ РФ. 2014. № 32. Ст. 4526.

²⁸ Представляется, что запрашиваемая информация относится к охраняемой частью 2 статьи 23 Конституции РФ тайне коммуникаций, ограничение которой возможно только на основании судебного решения. Однако Правила, утвержденные Постановлением Правительства РФ от 31 июля 2014 г. № 759 (далее — Правила), раскрывая в п. 7–11 процедуру направления запроса и предоставления в ответ на него информации, не содержат указания на необходимость получения предварительного судебного решения. Вместе с тем гарантии защиты информации, получение которой предусмотрено Правилами, не могут быть ниже тех, которые предусмотрены ст. 186.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ, допускающей получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами на основании судебного решения.

²⁹ Федеральный закон «О связи» от 7 марта 2003 г. № 126-ФЗ (в ред. от 13 июля 2015 г.) // СЗ РФ. 2003. № 28. Ст. 2895.

³⁰ Постановление Правительства РФ «Об утверждении Правил взаимодействия операторов связи с уполномоченными государственными органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность» от 27 августа 2005 г. № 538 // СЗ РФ. 2005. № 36. Ст. 3704.

формации в базах данных об абонентах в течение трех лет, указывается перечень подлежащих включению в эти базы персональных данных. Названные положения в совокупности порождают много сложных конституционно-правовых вопросов, например о том, насколько обоснован отказ законодателя от регулирования отношений по взаимодействию операторов связи с компетентными государственными органами и делегирование этого полномочия Правительству; насколько допустим трехлетний срок хранения информации в базах данных; почему перечень персональных данных, подлежащих хранению в этих базах, устанавливается подзаконным актом и насколько оправдан такой широкий перечень; насколько обосновано предоставление компетентным государственным органам круглосуточного удаленного доступа к базам данных.

Два приведенных примера, как представляется, весьма наглядно иллюстрируют специфику обеспечения конституционных прав граждан в сфере оперативно-разыскной деятельности.

Приводя примеры нормативных положений, регулирующих обработку персональных данных и нуждающихся в конституционно-правовой оценке, мы не ставили перед собой цели представить их детальный анализ, а хотели акцентировать внимание на конституционном характере возникающих в связи с ними вопросов. Например, вопросов о том, соблюден ли законодателем баланс конституционно значимых ценностей при установлении нормативного регулирования; ограничивает ли данное регулирование гарантированное ч. 2 ст. 23 Конституции РФ право; если ограничивает, то может ли ограничение быть оправдано; отвечает ли такое ограничение критериям допустимости.

2.3. Персональные данные как объект защиты права на неприкосновенность жилища

Закрепленное в ст. 25 Конституции РФ право на неприкосновенность жилища может быть интерпретировано как право, в сферу защиты которого входят в том числе персональные данные, зафиксированные на материальных носителях, находящихся в жилище. Как справедливо отмечает И. А. Умнова, «неприкосновенны личные бумаги, дневники и иные материалы, хранящиеся в жилище» [10, с. 109]. Продолжая данный перечень, можно указать на то, что и персональные компьютеры, ноутбуки, съемные носители информации, находящиеся в жилище, охватываются закрепленным в ст. 25 Конституции РФ правом.

Объем содержания права на неприкосновенность жилища зависит в первую очередь от того, что понимается под «жилищем» в конституционно-правовом смысле. Конституционный Суд РФ в Определении от 12 мая 2005 г. № 166-О со ссылкой на положения Уголовно-процессуального кодекса РФ указал, что к жилищу могут относиться в том числе нежилые помещения и строения, не входящие в жилой фонд, при условии, что они используются для временного проживания³¹. Представляется, что положения Конституции РФ не препятствуют расширительному толкованию понятия «жилища», которое является предпочтительным, повышая объем конституционных гарантий неприкосновенности жилища³². Соответ-

³¹ Определение Конституционного Суда РФ от 12 мая 2005 г. № 166-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 6.

³² Об этом см.: [3, с. 95].

ственно, к жилищу относятся не только собственно жилые помещения, но и вспомогательные помещения (такие, например, как подвалы, чердаки, пристройки), хозяйственные постройки, комнаты в гостиницах, палаты в больницах, палатки, личные гаражи и другие объекты³³.

Конституционное право на неприкосновенность жилища призвано обеспечить «свободное волеизъявление лица при принятии решения о допуске посторонних в свое жилище» [29, с. 16]. Ограничения данного права, связанные с проникновением в жилище против воли проживающих в нем лиц, должны не только отвечать требованиям, предусмотренным ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, но и происходить исключительно «в случаях, установленных федеральными законами, или на основании судебного решения» (ст. 25 Конституции РФ). Следует согласиться с И. Л. Петрухиным, который отходит от буквального понимания нормы ст. 25 Конституции РФ, содержащей слово «или», и полагает, что федеральным законом должны быть определены все случаи, когда допускается проникновение в жилище вопреки воле проживающих в нем лиц, а также установлено, в каких из этих случаев кроме того требуется получение судебного решения [30, с. 246]³⁴.

Безусловно, важную роль в определении содержания права на неприкосновенность жилища играет то обстоятельство, что под проникновением понимается не только физическое вторжение в жилище, но и вторжение с использованием специальных технических средств, при котором наблюдение за происходящим в жилище осуществляется без физического присутствия в нем³⁵.

Особенностью конструкции права на неприкосновенность жилища является то, что оно непосредственно обязывает всех субъектов воздерживаться от проникновения в жилище — как представителей публичной власти, так и частных актеров. Такой запрет находит выражение в формулировке ст. 25 Конституции РФ, согласно которой «никто не может проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц». Соответствующая формулировка дает основания рассматривать конституционное право на неприкосновенность жилища как право, распространяющее прямое действие на частно-правовые отношения [13, с. 238]. Прямое действие данного права в частном праве, однако, не отменяет обязанности государства «предусмотреть гарантии и установить санкции за [его] нарушение» [31, с. 258].

Между правом на неприкосновенность жилища и правом на неприкосновенность частной жизни возможно возникновение конкуренции тогда, когда подлежащие защите персональные данные входят в сферу действия обоих прав (речь идет о персональных данных, которые относятся к частной жизни лица и при

³³ Подробнее о том, какие объекты относятся к жилищу, см.: [3, с. 95]. Анализ существующих в отечественной литературе подходов к интерпретации понятия «жилища» осуществляется О. Baller в комментарии к ст. 25 Конституции РФ (речь идет о комментарии к Конституции РФ, авторами которого выступили ученые из Германии и Австрии). См.: [26, Kommentar zu Artikel 25, Rn. 3–5]. Также заслуживает внимания тот факт, что уже в советской литературе под жилищем в конституционном смысле предлагалось понимать не только полезную жилую площадь, а весь «комплекс определенных помещений, расположенных на определенной территории, граница которой отделяет сферу извственной обособленности личной жизни гражданина». См.: [27]. Цит. по: [28, с. 355].

³⁴ Иную позицию занимает Г. А. Гаджиев. См.: [13, с. 241].

³⁵ Пункт 4 мотивировочной части Определения Конституционного Суда РФ от 14 июля 1998 г. № 86-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 1998. № 6.

этом закреплены на материальных носителях, находящихся в жилище). Как и в ситуации с правом на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, применению будет подлежать право на неприкосновенность жилища, являющееся специальным по отношению к праву на неприкосновенность частной жизни. Такой подход объясняется в том числе и тем обстоятельством, что ст. 25 Конституции РФ установлены более высокие требования к допустимости ограничения права на неприкосновенность жилища в случае возникновения конкуренции в интересах субъекта права, чтобы допустимость ограничения проверялась на соответствие требованиям ст. 25 Конституции РФ.

III. Перспективы формирования российской модели конституционно-правовой защиты персональных данных

Выявление и последующее раскрытие содержания конституционных оснований защиты персональных данных в России позволяет, как представляется, заложить основы российской модели конституционно-правовой защиты персональных данных. В качестве центрального элемента такой модели предлагается рассматривать право на неприкосновенность частной жизни, закрепленное в ч. 1 ст. 23 в совокупности с ч. 1 ст. 24 Конституции РФ. Наряду с правом на неприкосновенность частной жизни элементами российской модели конституционно-правовой защиты персональных данных выступают право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений и право на неприкосновенность жилища. При этом два последних конституционных права являются специальными по отношению к праву на неприкосновенность частной жизни.

Следует отметить, что в содержании иных гарантированных Конституцией РФ прав тоже могут быть выявлены отдельные гарантии защиты персональных данных (например, в праве на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности). Вместе с тем центральное значение для определения основных принципов обработки и защиты персональных данных в конституционно-правовом аспекте имеют три проанализированных в настоящей статье права.

Понимая под моделью «упрощенную и символическую схему, предназначенную для объяснения какой-либо реальности» [32, с. 291]³⁶, мы посчитали возможным отказаться от причисления других прав к числу элементов модели конституционно-правовой защиты персональных данных как не содержащих таких конституционных гарантий защиты указанной категории информации, которые могли бы оказать значительное влияние на формирование соответствующей модели.

Представляется, что в качестве элемента права на неприкосновенность частной жизни может быть выделено притязание на защиту персональных данных. Такое понимание права на неприкосновенность частной жизни сопряжено с пересмотром получившего распространение в отечественной доктрине и конституци-

³⁶ Ср.: В. Н. Кудрявцев определяет модель как «искусственно созданный объект, который, будучи в главном аналогичен исследуемому объекту, отображает и упрощенно воспроизводит структуру, свойства, взаимосвязи и отношения между элементами исследуемого объекта, непосредственное изучение которого затруднено или недоступно» [33, с. 22].

онно-судебной практике узкого истолкования частной жизни, ограничивающего содержание последней сферой жизнедеятельности, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства. Граница, которая позволяла бы обособить частную жизнь в ее узком понимании от иных сфер жизнедеятельности, может быть проведена лишь весьма условно и то далеко не всегда. Зачастую грань между данными сферами жизнедеятельности оказывается размыта, и это обуславливает необходимость расширительного толкования частной жизни. Возможность включения в содержание частной жизни иных сфер, в процессе которых происходит становление личности (в частности, образовательной, профессиональной), будет иметь своим следствием повышение объема конституционных гарантий свободного развития личности. Учитывая, что человек, его права и свободы провозглашаются ст. 2 Конституции РФ высшей ценностью, расширение содержания частной жизни представляется обоснованным.

Необходимость определения конституционно-правовых рамок защиты персональных данных в России назрела давно. Приходится, однако, признать, что уровень разработанности вопросов конституционно-правовой защиты персональных данных в отечественной доктрине, а также в практике Конституционного Суда РФ не отвечает современным реалиям. Перспективными представляются исследование соответствующих вопросов с использованием метода моделирования и разработка российской модели конституционно-правовой защиты персональных данных, в основу которой может быть положен предложенный в данной статье подход.

Литература

1. Арановский К., Князев С. Роль конституции в политико-правовом обустройстве России: исходные обстоятельства и современные ожидания // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 3. С. 50–59.
2. Эбзеев Б. С. Введение в Конституцию России. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 560 с.
3. Петрухин И. Л. Личные тайны (человек и власть). М.: Институт государства и права РАН, 1998. 230 с.
4. Конституция Российской Федерации. Доктринальный комментарий (постатейный) / рук. авт. кол. Ю. А. Дмитриев; науч. ред. Ю. И. Скуратов. 2-е изд., изм. и доп. М.: Статут, 2013. 688 с.
5. Хужокова И. Право на неприкосновенность частной жизни в системе прав человека // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 2. С. 32–36.
6. Романовский Г. Б. Право на неприкосновенность частной жизни. М.: МЗ-Пресс, 2001. 312 с.
7. Хужокова И. М. Конституционное право человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 26 с.
8. Права человека: Учебник для вузов / отв. ред. Е. А. Лукашева. М.: Норма, 2003. 573 с.
9. Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М.: МЗ-Пресс, 2000. 244 с.
10. Алишкова И. А., Андриченко Л. В., Умнова И. А. Конституционное право Российской Федерации: В 2 т. М.: Юрайт, 2015. Т. 2. Особенная часть: Учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. 440 с.
11. Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. В. Лазарева. 4-е изд., доп. и перераб. М.: Юрайт, 2009. 872 с.
12. Авакьян С. А. Конституционное право России. Учебный курс: Учеб. пособие: В 2 т. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2014. Т. 1. 864 с.
13. Комментарий к Конституции Российской Федерации. / под ред. В. Д. Зорькина. 2-е изд. М.: Норма, 2011. 1088 с.

14. *Schiedermair St.* Der Schutz des Privaten als internationales Grundrecht. Mohr Siebeck, 2012. 460 S.
15. Федосин А. С. Защита конституционного права человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни при автоматизированной обработке персональных данных в РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саранск, 2009. 27 с.
16. Лушников А. Защита персональных данных работника: сравнительно-правовой комментарий гл. 14 Трудового кодекса РФ // Трудовое право. 2009. № 9. С. 93–101; № 10. С. 77–82. СПС «КонсультантПлюс», 2009. Версия 4015.00.09, сборка 208002 (дата обращения: 13.03.2016).
17. Цадыкова Э. А. Конституционное право на неприкосновенность частной жизни: сравнительно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 24 с.
18. Цадыкова Э. А. Гарантии охраны и защиты персональных данных человека и гражданина // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 14. С. 15–18. СПС «КонсультантПлюс», 2007. Версия 4015.00.09, сборка 208002 (дата обращения: 13.03.2016).
19. Миндрова Е. А. Коллизия права граждан на доступ к информации и права на неприкосновенность частной жизни в условиях информационного общества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 31 с.
20. Войниканис Е. А., Мащукова Е. О., Степанов-Егиянц В. Г. Неприкосновенность частной жизни, персональные данные и ответственность за незаконные сбор и распространение сведений о частной жизни и персональных данных: проблемы совершенствования законодательства // Законодательство: право для бизнеса. 2014. № 12. С. 74–80.
21. Патракеев С., Дмитриев Д. Видеонаблюдение: юридические аспекты // Трудовое право. 2012. № 6. С. 108–117.
22. Бурьлов А. В. Право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений в Российской Федерации: конституционно-правовой анализ: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. 23 с.
23. Петрухин И. Л. Личная жизнь: пределы вмешательства. М.: Юрид. лит., 1989. 192 с.
24. Рудинский Ф. М. Теоретические проблемы личных конституционных прав и свобод советских граждан: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1980. 32 с.
25. Эшитайн К. Основные права и свободы. По российской Конституции и Европейской Конвенции: учеб. пособие для вузов. М.: Nota bene, 2004. 496 с.
26. Handbuch der russischen Verfassung / Hrsg. B. Wieser. Wien, Verlag Österreich, 2014. 1259 S.
27. Рудинский Ф. М. Личность и социалистическая законность в СССР: Учеб. пособие. Волгоград: Высшая следственная школа МВД СССР, 1976.
28. Рудинский Ф. М. Наука прав человека и проблемы конституционного права: Труды разных лет. М.: ТФ Мир, 2006. 1234 с.
29. Тюрин П. Ю. Конституционное право человека и гражданина на неприкосновенность жилища в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. 26 с.
30. Конституция Российской Федерации. Научно-практический комментарий / под ред. Б. Н. Топорнина. 3-е изд., М.: Юрисъ, 2003. 831 с.
31. Эбзеев Б. С. Конституция, власть и свобода в России: опыт синтетического исследования. М.: Проспект, 2014. 336 с.
32. Пэнто Р, Гравитц М. Методы социальных наук. М.: Прогресс, 1972. 608 с.
33. Кудрявцев В. Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования: учеб. пособие. М.: ФОРУМ; ИНФРА-М, 1998. 216 с.

Для цитирования: Проскурякова М. И. Конституционно-правовые рамки защиты персональных данных в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14. Право. 2016. Вып. 2. С. 12–27. DOI: 10.21638/11701/spbu14.2016.202

References

1. Aranovskii K., Kniazev S. Rol' konstitutsii v politiko-pravovom obustroistve Rossii: iskhodnye obstoiatel'stva i sovremennye ozhidaniia [The role of the constitution in political-legal formation of Russia: original circumstances and modern expectations]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie [Comparative Constitutional Review]*, 2013, no. 3, pp. 50–59. (In Russian)
2. Ebzееv B. S. *Vvedenie v Konstitutsiiu Rossii [Introduction to the Russian Constitution]*. Moscow, Norma, INFRA-M Publ., 2013. 560 p. (In Russian)
3. Petrukhin I. L. *Lichnye tainy (chelovek i vlast') [Personal secrets (an individual and the power)]*. Moscow, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences Press, 1998. 230 p. (In Russian)

4. *Konstitutsiia Rossiiskoi Federatsii. Doktrinal'nyi kommentarii (postateinyi)* [The Constitution of the Russian Federation. Doctrinal commentary (clause-by-clause)]. Leader of the group of authors Ju.A. Dmitriev, scientific editor Ju.I. Skuratov. 2nd ed., rev. and enlarged. Moscow, Statut Publ., 2013. 688 p. (In Russian)
5. Khuzhokova I. Pravo na neprikosnovennost' chastnoi zhizni v sisteme prav cheloveka [The Right to inviolability of private life in the system of human rights]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* [Comparative Constitutional Review], 2007, no. 2, pp. 32–36. (In Russian)
6. Romanovskii G. B. *Pravo na neprikosnovennost' chastnoi zhizni* [The right to inviolability of private life]. Moscow, MZ-Press, 2001. 312 p. (In Russian)
7. Khuzhokova I. M. *Konstitutsionnoe pravo cheloveka i grazhdanina na neprikosnovennost' chastnoi zhizni v Rossiiskoi Federatsii*. Authoref. diss. kand. iurid. nauk [The constitutional right of man and citizen to inviolability of private life in the Russian Federation. Thesis of PhD]. Saratov, 2007. 26 p. (In Russian)
8. *Prava cheloveka: Uchebnik dlia vuzov* [Human rights: Textbook for high schools]. Executive editor E. A. Lukasheva. Moscow, Norma Publ., 2003. 573 p. (In Russian)
9. Maleina M. N. *Lichnye neimushchestvennye prava grazhdan: poniatie, osushchestvlenie, zashchita* [Personal non-property rights of citizens: notion, realization, protection]. Moscow, MZ-Press, 2000. 244 p. (In Russian)
10. Aleshkova I. A., Andrichenko L. V., Umnova I. A. *Konstitutsionnoe pravo Rossiiskoi Federatsii: V 2 t. T. 2* [Constitutional Law of the Russian Federation: 2 vol. Vol. 2]. Osobennaia chast': Uchebnik i praktikum dlia bakalavriata i magistratury [Special part: textbook and casebook for baccalaureate and magistracy]. Moscow, Urait Publ., 2015. 440 p. (In Russian)
11. *Nauchno-prakticheskii kommentarii k Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii* [Scientific-practical commentary on the Constitution of Russian Federation]. Ed. by V. V. Lazarev. 4th ed., enlarged and rev. Moscow, Urait Publ., 2009. 872 p. (In Russian)
12. Avak'ian S. A. *Konstitutsionnoe pravo Rossii. Uchebnyi kurs: Ucheb. posobie: V 2 t. 5-e izd., pererab. i dop* [Constitutional law of Russia. Training course: Training manual: In 2 vol. Vol. 1. 5th ed., rev. and enlarged]. Moscow, Norma Publ., 2014. 864 p. (In Russian)
13. *Kommentarii k Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii* [Commentary to the Constitution of Russian Federation]. Ed. by V. D. Zorkin. 2nd ed. Moscow, Norma Publ., 2011. 1088 p. (in Russian)
14. Schiedermaier St. *Der Schutz des Privaten als internationales Grundrecht*. Mohr Siebeck, 2012. 460 S.
15. Fedosin A. S. *Zashchita konstitutsionnogo prava cheloveka i grazhdanina na neprikosnovennost' chastnoi zhizni pri avtomatizirovannoi obrabotke personal'nykh dannykh v RF*. Authoref. diss. kand. iurid. nauk [Protection of the constitutional right of man and citizen to inviolability of private life with regard to automatic processing of personal data in the Russian Federation. Thesis of PhD]. Saransk, 2009. 27 p. (In Russian)
16. Lushnikov A. Zashchita personal'nykh dannykh rabotnika: sravnitel'no-pravovoi kommentarii gl. 14 Trudovogo kodeksa RF [Protection of personal data of employees: comparative commentary on the chapter 14 of the Labour Code of the Russian Federation]. *Trudovoe pravo* [Labour Law], 2009, no. 9, pp. 93–101; no. 10, pp. 77–82. Access mode: ConsultantPlus. (In Russian)
17. Tsadykova E. A. *Konstitutsionnoe pravo na neprikosnovennost' chastnoi zhizni: sravnitel'no-pravovoe issledovanie*. Authoref. diss. kand. iurid. nauk [The constitutional right to inviolability of private life: comparative analysis. Thesis of PhD]. Moscow, 2007. 24 p. (In Russian)
18. Tsadykova E. A. Garantii okhrany i zashchity personal'nykh dannykh cheloveka i grazhdanina [Guarantees regarding protection of personal data of man and citizen]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2007, no. 14, pp. 15–18. Access mode: ConsultantPlus. (In Russian)
19. Mindrova E. A. *Kolliziia prava grazhdan na dostup k informatsii i prava na neprikosnovennost' chastnoi zhizni v usloviiakh informatsionnogo obshchestva*. Authoref. diss. kand. iurid. nauk [Conflict of the citizens' right on access on information and the right to inviolability of private life in the information society. Thesis of PhD]. Moscow, 2007. 31 p. (In Russian)
20. Voinikanis E. A., Mashukova E. O., Stepanov-Egiiants V. G. *Neprikosnovennost' chastnoi zhizni, personal'nye dannye i otvetstvennost' za nezakonnyye sbor i rasprostranenie svedenii o chastnoi zhizni i personal'nykh dannykh: problemy sovershenstvovaniia zakonodatel'stva* [Inviolability of private life, personal data and responsibility for illegal collection and dissemination of information about private life and of personal data: issues of improving the legislation]. *Zakonodatel'stvo: pravo dlia biznesa* [Legislation: Law for business], 2014, no. 12, pp. 74–80. (In Russian)
21. Patrakeev S., Dmitriev D. *Videonabludenie: iuridicheskie aspekty* [Video surveillance: legal aspects]. *Trudovoe pravo* [Labour law], 2012, no. 6, pp. 108–117. (In Russian)
22. Burylov A. V. *Pravo na tainu perepiski, telefonnykh peregovorov, pochtovykh, telegrafnykh i inykh soobshchenii v Rossiiskoi Federatsii: konstitutsionno-pravovoi analiz*. Authoref. diss. kand. iurid. nauk

[*The right to privacy of correspondence, telephone conversations, postal, telegraph and other messages in Russian Federation: constitutional analysis*. Thesis of PhD]. Ekaterinburg, 2003. 23 p. (In Russian)

23. Petrukhin I. L. *Lichnaia zhizn': predely vmeshatel'stva* [*Personal life: limits of intervention*]. Moscow, Juridicheskaja literatura Publ., 1989. 192 p. (In Russian)

24. Rudinskii F. M. *Teoreticheskie problemy lichnykh konstitutsionnykh prav i svobod sovetsskikh grazhdan*. Authoref. diss. dokt. iurid. nauk [*Theoretical problems of personal rights and freedoms of soviet citizens*. Thesis of Dr. Laws sci. diss.]. Moscow, 1980. 32 p. (In Russian)

25. Ekshtain K. *Osnovnye prava i svobody. Po rossiiskoi Konstitutsii i Evropeiskoi Konventsii: ucheb. posobie dlia vuzov* [*Fundamental rights and freedoms according to the Russian Constitution and the European Convention: Training manual for universities*]. Moscow, Nota bene Publ., 2004. 496 p. (In Russian)

26. *Handbuch der russischen Verfassung*. Hrsg. B. Wieser. Wien, Verlag Österreich, 2014. 1259 S.

27. Rudinskii F. M. *Lichnost' i sotsialisticheskaia zakonnost' v SSSR: Ucheb. posobie* [*Personality and socialist legality in the USSR: Training manual*]. Volgograd, Higher investigation school of the Ministry of home affairs of the USSR Publ., 1976. (In Russian)

28. Rudinskii F. M. *Nauka prav cheloveka i problemy konstitutsionnogo prava: Trudy raznykh let* [*Science of human rights and problems of constitutional law: Works from different years*]. Moscow, TF Mir Publ., 2006. 1234 p. (In Russian)

29. Tiurin P. Iu. *Konstitutsionnoe pravo cheloveka i grazhdanina na neprikosnovennost' zhilishcha v Rossiiskoi Federatsii*. Authoref. diss. kand. iurid. nauk [*The constitutional right of man and citizen to the inviolability of the home in the Russian Federation*. Thesis of PhD]. Saratov, 2003. 26 p. (In Russian)

30. *Konstitutsiia Rossiiskoi Federatsii. Nauchno-prakticheskii kommentarii* [*Constitution of the Russian Federation. Scientific-practical commentary*]. Ed. by B. N. Topornin. 3rd ed., Moscow, Urist Publ., 2003. 831 p. (In Russian)

31. Ebzeev B. S. *Konstitutsiia, vlast' i svoboda v Rossii: opyt sinteticheskogo issledovaniia* [*Constitution, the power and freedom in Russia: Experience of synthetic research*]. Moscow, Prospekt Publ., 2014. 336 p. (In Russian)

32. Pento R., Gravitts M. *Metody sotsial'nykh nauk* [*Methods of social sciences*]. Moscow, Progress Publ., 1972. 608 p. (In Russian)

33. Kudriavtsev V. N. *Genesis prestupleniia. Opyt kriminologicheskogo modelirovaniia: Ucheb. posobie* [*Genesis of the crime. Experience of Criminological Modeling: Training manual*]. Moscow, FORUM — INFRA-M Publ., 1998. 216 p. (In Russian)

For citation: Proskuryakova M. I. Constitutional framework for the protection of personal data in Russia. *Vestnik of Saint Petersburg University. Ser. 14. Law*, 2016, issue 2, pp. 12–27.

DOI: 10.21638/11701/spbu14.2016.202

Статья поступила в редакцию 10 апреля 2016 г.;
рекомендована к печати 20 мая 2016 г.